

М. С. Пелевин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АФГАНЦЕВ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII века:
ЕДА, ЖИЛИЩЕ, ДОМАШНИЙ БЫТ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ХАТАКСКОЙ ХРОНИКИ»)
(ЧАСТЬ II)¹**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье собраны и проанализированы сведения о повседневной жизни восточных афганцев, содержащиеся в «Хатакской хронике» (1641–1724) — авторской части компилятивного историографического сочинения на пашто *Tārīkh-i muraṣṣa'*. На примере многочисленных фрагментов текста, впервые переведенных на русский язык, показано, что реалии, относящиеся к еде, жилищу, домашнему быту, как правило, находятся вне фокуса хроникального повествования, но даже в беглых упоминаниях способствуют воссозданию подлинной и достоверной картины жизни авторов «Хроники» и их окружения. С привлечением параллельных источников — поэтических произведений Хушхал-хана (1613–1618), одного из соавторов «Хроники», в статье рассмотрены социальные аспекты приема пищи, коллективной трапезы и этикетных угощений, приведены данные об основных продуктах питания паштунов, типах постоянных и временных жилищ, процессе строительства домов и поселений, устройстве домов, домашнем имуществе и домашних животных, некоторых занятиях женщин и детских игр. Статья содержит новые, ранее не исследованные материалы по этнографии и культуре паштунских племен позднего средневековья. Библиогр. 7 назв.

Ключевые слова: литература пашто, этнография афганских племен, источниковедение.

**EVERYDAY LIFE OF PASHTUNS IN THE 17TH — THE BEGINNING OF
THE 18TH CENTURIES: FOOD, DWELLING, HOME ACTIVITIES
(BASED ON THE KHATAKS CHRONICLE) (PART II)**

M. S. Pelevin

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article examines facts on the everyday life of the eastern Pashtun tribes derived from the accounts of *The Khataks Chronicle* (1641–1724) — the original part of the historiographical compilation *Tārīkh-i muraṣṣa'*. Based on numerous excerpts from the Pashto text translated into Russian for the first time the article proves that realities pertaining to food, dwelling and home activities usually stay beyond the focus of the *Chronicle's* narration, but even mentioned in passing contribute much to reconstructing the real and trustworthy picture of the authors' and their milieu's everyday life. Supported with similar testimonies from parallel Pashto sources — the verses by the *Chronicle's* coauthor Khūshhāl Khān (1613–1689) — the article discusses social aspects of eating, collective meals and etiquette feasts, introduces and analyzes data on main food products of Pashtuns, types of permanent and temporary residences, house building technologies, lodging arrangement, home utensils, domestic animals and pets, as well as some women's home activities and children's games. New material collected and inspected in the article aims at including *The Khataks Chronicle* in the list of working sources on the history of Pashtuns and filling extensive lacunas in the studies of ethnography and culture of the Pashtun tribes in pre-modern times. Refs 7.

Keywords: Pashto literature, ethnography of Pashtun tribes, source studies.

Из скудных и крайне обрывочных упоминаний в «Хатакской хронике» о том, где и как жили паштуны, следует, что различались два основных типа жилищ — постоянные (*кор*) и временные (*дера*), относившиеся, соответственно, к недвижимому

¹ Часть I см.: Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2015. Вып. 1. С. 98–105.

(мулк) и движимому (мāл) имуществу. Первые — долговременные неразборные дома — находились в постоянных поселениях: деревнях (кэлай) или небольших городках с крепостями, фортах (қал ‘а, кот). Вторые представляли собой походные палаточные лагеря, которые размещались в местах регулярных стоянок или, реже, в случайно выбранных местах на путях передвижений. Места регулярных стоянок (мйла) во времена Хўшхāла и Афдала были уже переходным звеном между временными и постоянными поселениями, о чем говорит, например, использование слова мйла как устойчивого элемента в топонимах (Катй-Мйла, Мйла-Камар, Мйла-Сарвар, Мйла-Хāврэй и т. д.)². Временными жилищами на стоянках были шатры и палатки, о чем прямо сказано, например, в сообщении Хўшхāл-хāна о захвате хатакского лагеря союзными отрядами моголов и лояльных им паштунов в марте 1673 г.: «Моголы и паштуны пришли на нашу стоянку (дера). Все шатры и палатки (хайме, шāмийāне) нашей стоянки они разграбили...» [1, с. 303].

Постоянные жилища хатакских князей располагались преимущественно в городках-крепостях³. Кроме главной резиденции в Сарāй-Акоре⁴ авторы «Хроники», по их же словам, имели дома в Хайрāбāде, Низāмпуре, Шадйпуре, Мисрй-Бāнде, Йўте, Тахте и других хатакских поселениях. У политических противников Афдалхāна из числа его близких родственников — Бахрāма, ‘Абд ал-Қāдира, Шахбāза — собственные дома были в других хатакских городках: Нарэй, Шайдў, Терй и др. Были у хатакских князей свои дома и в крупных городах, находившихся под контролем могольской администрации, — Пешаваре, Навшахре, вероятно, также в Кохāте. Афдалхāн рассказывает, что во время своего продолжительного четырехмесячного пребывания в Пешаваре зимой-весной 1722–1723 гг. помимо периодических поездок ко двору могольского наместника и на охоту он в основном «был занят ремонтом жилища, которое от времени пришло в такое ветхое состояние, что если бы не были предприняты меры, им вообще нельзя было бы пользоваться» [1, с. 441].

Для того чтобы владеть и пользоваться многочисленными постоянными жилищами в укрепленных поселениях, разбросанных по всей территории княжества, хатакские правители, разумеется, должны были много заниматься строительными работами. Не случайно об этих занятиях из повседневной жизни племенных вождей в «Хронике» сохранилось немало беглых, но нередко акцентированных свидетельств. Из ряда коротких пассажей в дневниках Афдалхāна становится известно, например, что укрепленный городок Низāмпур, который у берегов Инда построил, а во время моголо-афганской войны 1672–1675 гг. сделал своей резиденцией Хўшхāлхāн, впоследствии был разрушен Бахрāмхāном, но в 1714 г. Афдал его отстроил заново,

² Исходные варианты таких топонимов — словосочетания с генетивной связью, например: *дә Сарвар мйла* ‘стоянка Сарвара’.

³ Описание типичного гилдзайского форта в середине XIX в., сделанное британским генералом Мак-Грегором в справочнике по Средней Азии и Афганистану, выглядит следующим образом: «Форт представляет огражденное место в 40 или 50 кв. футов; глинобитная стена имеет внизу около 3 футов ширины и увенчана на каждом угле круглыми башнями, снабженными бойницами. Дома обычно имеют 9 футов в высоту и около 12 кв. футов площади, стены глинобитные, а крыши из ветвей кустарника, слабо скрепленных глиной. Двери делают очень маленькими, так как не хватает леса. Дома располагаются по внутреннему обводу стены, а их крыши служат платформой, откуда защитники форта могут вести огонь через бойницы в стене. Свободное пространство в середине форта используется как загон для скота и для устройства хранилищ фуража и провианта» (цит. по [2, с. 133]).

⁴ Сарāй-Акора — ныне город Акора-Хатак в Пакистане, расположенный примерно в 60 км к востоку от Пешавара.

сделав из него с помощью своих «зависимых людей» «прочную крепость» [1, с. 348, 410–411]. Городок-крепость Шадйпур тоже был основан Хушхалом, но поскольку он находился «далеко от реки и был не слишком просторен», Афдал-хан решил перестроить его, расширив и придвинув к Инду. Строительные работы по возведению новой крепости Шадйпура были закончены в 1701 г. Когда летом этого года сюда приехал Афдал, он отметил в своем дневнике: «Крепость Шадйпура уже была готова, но жилых помещений (*хавелай*) в ней еще не было. Со мной были мои подчиненные. Занялся я обустройством жилых помещений...» [1, с. 361]. О крепости в Йуте Афдал кратко сообщает только то, что он построил ее по указанию Хушхал-хана в 1682 г. [1, с. 496].

Княжеская резиденция в Сарай-Акоре, как и прочие хатакские города-крепости, тоже нуждалась в регулярном ремонте и обновлении. В результате внутривосемьдесятлетних войн и внешних конфликтов Сарай-Акора часто становилась объектом вооруженных налетов, подвергалась разграблению и разрушениям. В истории Сарая нередко бывали периоды, когда по разным причинам из него уходили жители, прежде всего княжеские семьи, что, естественно, быстро приводило город в запущенное и обветшалое состояние. О таком факте Афдал-хан сообщает, например, в 1711 г., когда соседние паштунские племена, поднявшие мятеж против могольской администрации, после успешного налета на Навшахр выступили военным маршем на Сарай-Акору, и племенное собрание хатаков приняло решение оставить город мятежникам, поскольку «крепость Сарая в это время была уже поврежденная и осыпавшаяся (*шикаст-у рйхт*)» [1, с. 496].

Из строительных материалов, использовавшихся для возведения домов и крепостных сооружений, в «Хронике» один раз упоминается только дерево (*ларгй*, букв. «бревна») и «другие материалы» (*зайра масалиха*). В апреле 1724 г., в период вооруженного конфликта с хатакскими шейхами, Афдал-хан с семьей на время поселился в крепости Мисрй-Банде, расположенной на бывших йусуфзайских землях левобережья Ландая. Судя по всему, помещений, пригодных для жилья, в крепости не было. Афдал прибыл в Мисрй-Банду 2 апреля, за две недели до приезда семьи, и в течение всего этого времени занимался строительством жилых домов:

Поневоле, в силу необходимости я оставил семью [у йусуфзаев], а сам один восьмого *раджаба* 1136 года [02.04.1724] сел верхом и приехал сюда. В соответствии с требованием времени я поселился в Мисрй-Банде. Занялся я обустройством места [для жилья] в здешней крепости. Один за другим были построены несколько жилых домов... Двадцать второго *раджаба* 1136 г. [16.04.1724] мои сыновья отправили сюда мою семью. Они приехали... После того как здесь были построены жилые дома, также было осуществлено строительство других помещений. Были привезены бревна и другие материалы. Постепенно все помещения были приведены в готовность... [1, с. 468–469].

В числе «других материалов» могли быть камни, тростник, известка, глина, из которой изготовлялись глинобитные смеси и обожженные или необожженные кирпичи. В касыде «Хоть вырос я в служении моголам...», рассуждая о преимуществах скромной, но свободной и достойной походной жизни, Хушхал-хан заявляет о том, что в «тростниковом шалаше» (*да вашо джонгрэй*) он чувствует себя как в «известковых хорумах» (*махаллунa да ахак*) [3, с. 565], явно имея в виду кирпичные или глинобитные дома, обмазанные известкой. В другом, персидском двустишии, цити-

руемом в «Хронике», Хўшхал, обращаясь к могольскому наместнику Махабат-хану, выражает сомнение в необходимости строительства крепости Лангаркот с помощью такой метафоры: «Ты делаешь недолговечную стену из глины с соломой (*кахгил*)...» [1, с. 295]. Ясно, что Хўшхал-хан считал глинобитные материалы малопригодными для возведения надежных крепостных сооружений. Тем не менее, по его же сведениям, первоначально Сарай-Акора была вообще окружена только колючей изгородью (*хярбанд*) [1, с. 267]. О количестве рабочих, требовавшихся для масштабных строительных работ, в «Хронике» говорится устами могольского принца Бахадур-шаха, который в 1703 г. поручил Афдалу проверить состояние крепости в Баннӯ и при необходимости произвести ее реконструкцию: «Если сочтешь эту крепость хорошей, пошлю тебе двести землекопов, приведешь ее в порядок!» [1, с. 366].

Постоянные поселения должны были располагаться вблизи источников питьевой воды — рек, водоемов, колодцев. При проведении грабительского налета на поселение захват колодца считался важной тактической задачей, выполнение которой могло обеспечить успех всего военного предприятия. Так, причиной неудачного налета хатаков на йусуфзайскую деревню Ханд в начале 1650-х годов в «Хронике» назван тот факт, что хатакские всадники не смогли захватить местный колодец и минарет, выполнявший также функцию сторожевой башни [1, с. 282–283]. Внешними приметами постоянных поселений были также посевные поля и огороды. Богатые поселения и отдельные домохозяйства отличались наличием плодовых садов. Афдал-хан упоминает о том, что рядом с его домом в Хайрабаде был плодовый сад с ручьем, куда он летом 1706 г. после охоты пригласил отдохнуть могольского царевича Рафӣ‘ ал-Қадра [1, с. 380–381]. Осенью 1711 г. в период вспышки внутриплеменного конфликта Афдал, по его словам, «сравнил с землей жилища и сады Кадӣ и Бадӣ⁵» в городке Шайдӯ [1, с. 398]. Бахрәм-хан, описывая в 1701 г. могольскому вельможе достоинства Баннӯ, сделал акцент на обилии в этом краю плодовых садов (см. цитату выше). А Хўшхал-хан, разочарованный своими поездками в Тӣрәх к афрїдаям и в Свәт к йусуфзаям, наоборот, разругал в стихах местных жителей — вероятно, не очень справедливо — за невнимание к садоводству [3, с. 888].

О строительстве как одном из постоянных занятий племенного правителя недвусмысленно говорит Хўшхал-хан в одном любопытном стихотворении, написанном в годы его правления хатакским княжеством (1650-е). Обращаясь к своей низшей душе (*нафс*)⁶, Хўшхал в числе прочих повседневных княжеских дел и развлечений называет строительство: «Иногда ты говоришь мне про глину: / “Стань строителем зданий и садов! // Строй дома хоть наемным трудом (*музд*), хоть принудительным (*бегәр*)! / Живи в них! Будь хозяином прекрасных мест!”» [3, с. 819].

Об устройстве паштунского дома в «Хронике» нет сведений, за исключением беглого сообщения Афдал-хана в начале весны 1724 г. о том, что в его доме в Сарәе была терраса (*айвән-хәна*): «После приезда Шәха Калима я день и ночь находился на террасе, в доме не ложился, ел тоже снаружи...» [1, с. 449]. Беглые штрихи к изображению княжеского дома в Сарәе содержатся также в начальных строках биографической поэмы Хўшхал-хана «Что за сон тревожный мне привиделся к утру...», где

⁵ Кадӣ (Абд ал-Қадир-хан), Бадӣ (Шахбаз-хан) — дядья и политические противники Афдал-хана.

⁶ Низшая душа (*нафс*), в религиозно-философских представлениях мусульман, — та часть психики человека, которая связана с материальным существованием.

подробно рассказывается об обстоятельствах ареста поэта в январе 1664 г. Не смущаясь самых приземленных бытовых деталей, Хўшҳал вспоминает, как в ночь перед арестом он плохо спал, измученный дурным сном, проснулся до рассвета, когда все домашние еще «похрапывали», встал с кровати (*кат*), испытывая легкое головокружение, с трудом нашел дверь, сходил в отхожее место (*мабраз*), помылся, как того требует «сунна пророка», написал записку старшему сыну Ашраф-хāну со всеми необходимыми указаниями, опробовал на ветвях кипариса остроту своего клинка, потом сходил в мечеть помолиться, оседлал свою кобылу Силэй (букв. 'буря') и поспешил по дороге в Пешавар [3, с. 934–935].

Аналогичными экспрессивными мазками в поэме *Свāt-нāма* Хўшҳал-хāн рисует эскиз домашнего быта йўсуфзаев, населяющих Свātскую долину [4, с. 2–27] (см. также: [5, с. 286–291]). Сама долина представлялась Хўшҳалу «маленьким Кашмиром», который йўсуфзаи, по его мнению, превратили в «обветшалый постоялый двор». Чистый воздух долины, обильная зелень, множество прохладных ручьев, образующихся от таяния снегов, чарующие пейзажи с высющимися на фоне гор минаретами и сторожевыми башнями и даже старые индуистские капища — все это производило большое впечатление на Хўшҳала. Петляющая по горным ущельям река Свāt напоминала Хўшҳалу арабскую вязь. «В каждое селение, в каждый дом отходят от нее каналы, / из нее пьют, и со всех сторон к ней прилегают поля», — пишет Хўшҳал [4, с. 4]. Упрекая йўсуфзаев за бесхозяйственность, недостаточное трудолюбие и небрежное отношение к земледелию и садоводству, поэт делает такие зарисовки: «Все земли Свāта, пригодные для садов, / йўсуфзаи превратили в луга» [4, с. 5], «За весь год пальцем не пошевелят для работы; / один только аист [стоит] в воде на рисовом поле» [4, с. 22], «Если кто выращивает на огороде дыни, / то не дает им дозреть и губит неспелыми» [4, с. 27] и т. д. В нескольких строках Хўшҳал явно пристрастно изображает нецивилизованный уклад жизни йўсуфзаев, так описывая их дома:

У йўсуфзаев очень грязные жилища: / неприбранные, вонючие, как постоялые дворы [4, с. 6];

В каждом доме сколько людей, столько и собак; / во дворах петухи бродят сотнями. / Все дома превращены в амбары. / Нечистоплотностью [йўсуфзаи] еще хуже индусов [4, с. 7];

Нет у них ни *дастārхāнов*, ни скатертей, ни [масляных] светильников; / всю ночь от [горящих] лучин идет гадкий дым [4, с. 29].

Судя по этим описаниям, обычный небогатый дом паштуна — как и крестьянские дома у многих народов в эпоху средневековья — соединял в себе сразу несколько помещений — жилых и хозяйственных, в том числе складских и предназначенных для домашних животных. Общая, намеренно сатирическая картина повседневного быта жителей Свāта дополняется упоминаниями о том, что из-за своей врожденной скупости йўсуфзаи жалеют деньги на достойную еду и «питаются только сурепкой (*шаршам*) да сумахом (*данбара*)» [4, с. 21], а их старики, когда собираются вместе, любят забавляться детской игрой, закатывая в лунки шарики [4, с. 25].

В «Хатакской хронике» подобных живописных, эмоционально насыщенных бытовых зарисовок нет. Домашнее движимое имущество обычно определяется собирательным понятием *мāl* (в специальном узком значении также 'скот'). Из рассказов Хўшҳал-хāна о стычках с отрядами Бахрāма летом 1673 г. видно, что самые мелкие домашние вещи, которые всегда брались с собой в дорогу при продолжительных пе-

реездах, — это посуда: «...Все они тут же уехали. Все вещи, все имущество — вплоть до посуды (*лошй*) и горшков (*кавдй*), — все это было брошено» [1, с. 308], «К полудню мы приехали в Валэй... Посуды, хлеба — ничего не было. Пришлось оттуда уехать...» [1, с. 309]. Мелкий домашний скарб при переездах иногда именуется также персидским словом *хурдрйза* ('мелкие вещи'): «Через две ночи, на второй день я со всем скарбом уехал из Низампӯра в Ғарбйн» [1, с. 304].

В упомянутом выше стихотворении «Здравствуй, низшая душа! Долго шел я за тобой...» Хӯшхāl-хāн в форме ироничного покаяния признается в том, что он привык вести образ жизни богатого и влиятельного князя — жить в добротных, окруженных садами домах, носить дорогую и красивую одежду, отдыхать в обществе красивых женщин, певцов и музыкантов [3, с. 819]. Однако после ареста в 1664 г., за которым последовали пять лет подневольного пребывания в Индии, бурных событий моголо-афганской войны 1672–1676 гг. и начала непрекращающейся внутриплеменной усобицы, жизнь Хӯшхāла резко изменилась. В касыде 1673 г. «Хоть вырос я в служении моголам...» он уже проповедует преимущества скромного достатка: простая циновка (*андерай*) и грубое шерстяное одеяло (*шаррэй*) для него предпочтительнее мягких тюфяков и подушек, белая льняная одежда лучше шелковых и парчовых платьев, тростниковый шалаш легко заменяет глинобитный или кирпичный дом, а рисовая каша с пахтой превосходит могольский плов [3, с. 565]. Этим патетическим стихотворным высказываниям полностью соответствуют слова Афдалхāна из «Хроники», свидетельствующие о том, что во второй половине 1670-х годов Хӯшхāl-хāн действительно вел достаточно скромный образ жизни:

Высокоцитимый хан жил небогато (*фақйрāна*). Он не хранил в доме мирские блага. Пара лошадей, пара ловчих соколов, одежда, необходимая еда, — больше ни о чем он не заботился. Как он сам однажды сказал: «Два друга есть у меня в этом мире: / Шайиста-Парй и Нусрат-Қадам». Шайиста-Парй (букв. «красивый как пери») был его сокол, а Нусрат-Қадам (букв. «победный шаг») — конь [1, с. 348].

Излишне говорить о том, что лошади играли исключительно важную роль в повседневной жизни афганцев, особенно тех, которые входили в военно-административную элиту племен. Лошади были ценным имуществом, ежедневно использовались в быту и военных предприятиях. Показательно то, что в «Хронике» и стихах Хӯшхāла упоминаются даже имена княжеских лошадей. В январе 1664 г. Хӯшхāl-хāн приехал в Пешавар, где его арестовали, на кобыле по имени Силэй (Буря), а во второй половине 1670-х годов, по словам Афдала, процитированным выше, у него был конь Нусрат-Қадам (Победный шаг). Для трудного пятидневного переезда в Сарай в феврале 1724 г. Афдал-хāн смесью из зеленого и сухого фуража откармливал свою кобылу Нйлэй (Серая), которая, как он уточняет, была из помета кобылы Мэввālэй (Сильная). Своему слуге Тораю Афдал приказал: «Это наша родовая (*хāназāда*) лошадь, она годится для моей поездки. Пусть подбросят ей сухой травы. Когда она будет готова, на ней я и поеду» [1, с. 454].

Наряду с почетными халатами, холодным оружием и дрессированными ловчими птицами, лошади были в числе самых дорогих и желанных подарков, составлявших обязательную часть феодального этикета. «Хроника» изобилует сообщениями о том, что представители всех уровней могольской феодальной иерархии, включая паштунских племенных вождей, регулярно дарили друг другу лошадей, причем не столько

из уважения, сколько из желания продемонстрировать свой статус, подтвердить свою или купить чужую лояльность. В «Хронике» упомянут случай, когда в 1722 г. могольский наместник Навāзиш-хāн даже отказался принять от Афдал-хāна лошадь в подарок, поскольку она не была «такой, какую он хотел». Афдал пообещал ему другую. Через некоторое время Навāзиш-хāн на охоте увидел одну из лошадей Мухаммада ‘Алй-хāна, старшего сына Афдала, «она ему понравилась, и он забрал ее» [1, с. 440].

Дважды Афдал-хāн упоминает имена лошадей, подаренных им высокопоставленным моголам. Весной 1706 г. после совместной охоты на антилоп Афдал подарил могольскому принцу Рафй’ ал-Қадру «очень хорошего коня» по имени Шармаг (?). Интересно, что принцу были предложены три других «иракских скакуна», но он их не взял. При виде Шармага принц не смог устоять. «Царевич раньше уже слышал о нем, но не решался у меня его попросить. Его он взял с удовольствием», — пишет Афдал-хāн [1, с. 381]. В 1715 г. Афдал преподнес двух коней — Сандалй-Аблақ (Сандаловый Пегий) и Парйпайкар (Периликий) — в дар могольскому наместнику Нāсир-хāну, с которым он находился в дружеских отношениях. «Парйпайкар, действительно, был красив, как пери, — рассказывает Афдал, — Его (Нāсир-хāна. — М. П.) сын Навāзиш ‘Алй-хāн очень полюбил его. По моей просьбе Нāсир-хāн отдал [этого коня] ему» [1, с. 413].

Не менее значимые практические функции в повседневном быту паштунов выполняли также собаки, однако в «Хронике», как и в других паштоязычных источниках того же времени, упоминания о собаках имеют в большей степени негативную коннотацию. Разумеется, подобное противоречивое отношение к собакам — бережное в реальной жизни и пренебрежительное в письменных текстах — было обусловлено влиянием исламской идеологии, согласно которой собака считается нечистым животным. Декларируя себя правоверными мусульманами-суннитами, и Хўшхāл, и Афдал публично в письменном виде могли выражать только отрицательные эмоции по поводу собак и постоянно относили этих животных к области пейоративной символики (см., например: [6, с. 75–76]). Тем не менее из отдельных коротких сообщений в «Хронике» и стихотворениях Хўшхāл-хāна совершенно ясно, что собаки были очень приметной и важной частью домашнего быта паштунов. Во время пребывания в Свāте в 1675 г. Хўшхāл возмущался тем, что у йўсуфзаев «в каждом доме сколько людей, столько и собак» (см. выше). Еще раньше, в 1641 г., перед совершением жестокого набега на деревню йўсуфзаев-акāхелов в отместку за гибель отца он дал своим воинам такой приказ: «Собак, людей — всех, кто попадетс я навстречу, убивайте!» Рассказывая об этом набеге, Афдал-хāн рисует страшную картину: «И они не щадили никого, кто попался им навстречу, — ни животных, ни мужчин, ни женщин, ни детей. Убивали всех. Реки крови они пустили в их дворах. Всюду текла вперемешку кровь собак и людей» [1, с. 271].

Нужно заметить, что по законам обычного права паштунов убийство собаки или даже ее безосновательное, не являющееся самообороной избиение влечет за собой возникновение обязательства по возмещению вреда. Величина виры может быть очень высокой, особенно если собака сторожевая или пастушеская, поскольку причинение вреда такой собаке означает причинение вреда всему домашнему имуществу или целому стаду (см.: [7, с. 85]). Надо полагать, в приведенном выше эпизоде Хўшхāл-хāн приказал убивать не только людей, но и собак именно потому, что хотел нанести акāхелам как можно больший ущерб.

К описаниям повседневного быта паштунов в «Хронике» относится также несколько лаконичных сообщений о домашних занятиях женщин. Дважды упоминается

стирка одежды. В одном случае речь идет о хатакских женщинах, жительницах Сарая, в другом — о йўсуфзайках из деревни Бўқа: «Наши невольницы пошли к переправе стирать в реке [Ландай] одежду...» [1, с. 272], «Девушки и женщины [деревни Бўқа] были на реке, стирали одежду...» [1, с. 283]. В рассказе о том, как летом 1621 г. юный Хўшхал получил травму головы, женщины занимаются обмолотом проса [1, с. 272]. Оказавшиеся в 1712 г. без средств к существованию женщины из княжеской семьи Бахрām-хана зарабатывают на жизнь тем, что прядут и носят воду «для богатых домов»: «В 1124 году [1712 г.] злосчастный Бахрām, который в Навшахре сидел голодный, как пес, дошел до такого состояния, что его женщины пряли на чужих прялках за плату и жили на то, что получали [за это]. Для богатых домов они воду из реки носили на головах...» [1, с. 402–403]. Рассказы о несчастных случаях, происшедших с Хўшхал-ханом в детстве, являются также иллюстрациями к повседневным играм детей. В одном рассказе Хўшхал купается в Ландае, во втором он и другие мальчики изображают из себя всадников, сядя на мешки с зерном, как на лошадей [1, с. 272–273].

Сведения «Хатакской хроники» о повседневной жизни паштунов XVII — начала XVIII в. подтверждают исключительное значение этого сборника оригинальных паштоязычных текстов как уникального и пока малоисследованного источника по истории и культуре афганских племен накануне создания первого афганского государства — империи Дуррāнī — в 1747 г. Тексты «Хроники» являются не только собранием ценных документальных материалов, но также литературным произведением, в котором через призму мировоззрения и политической идеологии племенных вождей нашли отражение многие стороны общественного сознания паштунских племен позднего средневековья. На фоне политических конфликтов и вооруженных столкновений, составляющих основное содержание «Хроники», именно беглые свидетельства о бытовых реалиях племенной жизни, заполняя лакуны в этнографических данных, одновременно выступают в роли тех элементов хроникального повествования, которые обозначают в нем гуманистическое начало.

Литература

1. *Афдал-хāн Хатак*. Тārīх-и мурасса‘ (Украшенная драгоценностями история) / подготовка текста, предисл., примеч. Д. М. Кāмил. Пешавар: University Book Agency, 1974. 194 с. (на языке пашто).
2. *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: АН СССР, 1954. 417 с.
3. *Хўшхал-хāн Хатак*. Куллийāt (Собрание сочинений) / предисл. и примеч. Д. М. Кāмил Моманд. Пешавар: Идāра-йи ишā‘ат-и сархадд-и Пешāвар, 1952. 968 с. (на языке пашто).
4. *Хўшхал-хāн Хатак*. Свāt-нāма (Книга о Свате) / предисл. и коммент. ‘А. Хāбийбī. Кабул: Пашто Толана, 1358/1979. 154 с. (на языке пашто).
5. *Пелевин М. С.* Афганская поэзия в первой половине — середине XVII в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 352 с.
6. *Пелевин М. С.* Метафоры и образные сравнения в языке афганской племенной хроники // Вестн. С.-Петерб. ун-та, 2014. Сер. 13. Вып. 1. С. 71–81.
7. *Atayee M. I.* A dictionary of the terminology of Pashtun’s tribal customary law and usages / English transl. by A. M. Shinwary. Kabul: Academy of Sciences of Afghanistan, 1979. 128 p.

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2015 г.

Контактная информация

Пелевин Михаил Сергеевич — доктор филологических наук, профессор; mosprolege@gmail.com
Pelevin Mikhail S. — Doctor of Philology, Professor; mosprolege@gmail.com